

следующее воскресенье, после религиозного собрания, госпожа де Шатийон, изумленная столь неожиданным оборотом дела, дала обед господину дю Мулену, Обинье и госпоже де Рювиньи, жене коменданта Бастилии. За столом, в ходе беседы, этой даме понравились какие-то слова Обинье; пристально глядя на него, госпожа де Рювиньи заплакала; когда ее стали расспрашивать о причине этих слез, она ответила, что два раза приготовляла для Обинье комнату в Бастилии и во второй раз до полночи ждала осужденного.

Вскоре король переменял свое мнение и опять так полюбил Обинье, что задумал отправить его в Германию как чрезвычайного посланника, обязав особых агентов дважды в год докладывать Обинье о ходе всех своих переговоров. Потом это намерение было оставлено. У короля возник новый обширный план. Он в подробностях изложил его, вопреки предостережениям Обинье, указывавшего, что подобные бумаги надо доверять только тем, кто будет нести за них ответственность. Будучи в то время вице-адмиралом Сентонжа и Пуату, он не пожелал оставаться праздным в столь великом деле¹⁰⁵; он настойчиво стал убеждать короля обратить часть своих замыслов против Испании и, со всех сторон тесня неприятеля, пустить ему стрелу в самое сердце. Отвергнув это предложение, король привел старинную поговорку: «Кто отправляется в Испанию слабым, терпит поражение, а кто отправляется туда сильным, умирает с голоду». Тогда Обинье предложил ассигновать миллион золотом наличными, чтобы снарядить два флота: огибая Испанию, они бы доставляли на королевские склады припасы по цене, по какой они в то время продавались в Париже. К этому мнению он заставил присоединиться д'Экюра; это дело было решено, но предварительно герцог де Сюлли чинил ему всяческие препятствия.

(1610). Когда Обинье уезжал работать в Сентонж, король на прощанье сказал ему: «Обинье, не обольщайтесь более на мой счет, мою земную и вечную жизнь я вручаю святому отцу, истинному наместнику Бога». С того дня Обинье счел великое намерение короля начать войну напрасным, а самую жизнь этого бедного государя осужденной Богом. Так он и сказал своим приближенным, и действительно: через два месяца пришло ужасное известие о смерти короля. Обинье узнал об этом, лежа в постели. По первоначальным слухам ему сообщили, что король смертельно ранен в горло, но Обинье в присутствии многих лиц, прибежавших в его комнату вместе с вестником, сказал: «Не в горло, а в сердце», будучи уверен, что это так.

Итак, королева была объявлена регентшей с согласия областных собраний. На съезде в Пуату никто этому не противился, кроме Обинье, утверждавшего, что право подобного избрания принадлежит не Парижскому парламенту, а Штатам. И, хотя он был взят на заметку за эти